

DOI: 10.31857/S0321507525040021

Становление исламского образования в Ингушетии: локальный и ближневосточный аспекты

© Исаев Л.М.^{a,b,c}, Файн Е.Д.^{a,d}, Иванов Е.А.^{a,e}, 2025

^a НИУ ВШЭ, Москва, Россия

^b Институт Африки РАН, Москва, Россия

^c ORCID: 0000-0003-4748-1078; lisaev@hse.ru

^d ORCID: 0000-0003-1229-3691; efayn@hse.ru

^e ORCID: 0000-0003-2798-7880; eivanov@hse.ru

Резюме. В период, последовавший за распадом Советского Союза, в Республике Ингушетия наблюдался значительный рост спроса на ислам и соответствующее религиозное образование. В результате роста данной потребности в республике начали появляться исламские учебные заведения, в т.ч. высшие. Однако опыт становления образования в республике остается в существенной степени неосвоенным исследователями. В то же время в связи с антирелигиозной политикой во времена СССР была практически полностью утрачена преемственность с дореволюционной религиозной традицией, поэтому она выстраивалась заново. В результате исламское образование развивалось на фоне противоречивых тенденций в регионе. С одной стороны, в Ингушетии появилось много ученых, освоивших исламские науки на Ближнем Востоке. С другой – потеря старых социально-идеологических ориентиров в светских школах и вузах сделала адат, традиционное право, важным инструментом воспитания, существующим параллельно с возрождающимся исламом.

Ключевые слова: исламское образование, адат, шариат, Ингушетия, Ближний Восток

Благодарность. Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2025 году при поддержке гранта РНФ (24-18-00662).

Для цитирования: Исаев Л.М., Файн Е.Д., Иванов Е.А. Становление исламского образования в Ингушетии: локальный и ближневосточный аспекты. *Азия и Африка сегодня*. 2025. № 4. С. 39–46. DOI: 10.31857/S0321507525040021

Formation of Islamic Education in Ingushetia: Local and Middle Eastern Aspects

© Leonid M. Issaev^{a,b,c}, Egor D. Fain^{a,d}, Yevgeny A. Ivanov^{a,e}, 2025

^a HSE University, Moscow, Russia

^b Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences

^c ORCID: 0000-0003-4748-1078; lisaev@hse.ru

^d ORCID: 0000-0003-1229-3691; efayn@hse.ru

^e ORCID: 0000-0003-2798-7880; eivanov@hse.ru

Abstract. In the period following the collapse of the Soviet Union, the Republic of Ingushetia, a Russian province in the North Caucasus, experienced a significant increase in demand for Islam and related religious education. As a result of this growing demand, Islamic educational institutions, including higher schools, began to appear in the province. However, scholars hardly covered the issue of the emergence and development of the religious education in Ingushetia. At the same time, due to the anti-religious policy during the Soviet era, the links to the pre-revolutionary religious tradition were almost completely lost, and it was reborn anew. The religious education has been forming under entangled conditions. On the one hand, many Muslim scholars who had mastered Islamic sciences in the Middle East appeared there. On the other hand, the loss of previous socio-ideological guidelines in secular schools and universities has made adat, the traditional law, an important educational tool that coexists alongside the resurgent Islam.

Keywords: Islamic education, adat, sharia, Ingushetia, Middle East

For citation: Issaev L.M., Fain E.D., Ivanov Ye.A. Formation of Islamic Education in Ingushetia: Local and Middle Eastern Aspects. *Asia and Africa today*. 2025. № 4. Pp. 39–46. (In Russ.). DOI: 10.31857/S0321507525040021

ВВЕДЕНИЕ

Как мы уже писали ранее [1], после распада СССР в регионах Северного Кавказа и Поволжья начался процесс реисламизации. Следствием этого стал растущий спрос на получение знаний об исламе, включая высшие ступени образования. Полноценно удовлетворить этот спрос внутри страны было невозможно, из-за чего многие мусульмане уезжали учиться в страны Ближнего Востока и Северной Африки. Параллельно шло формирование собственных центров исламского образования [10].

Несмотря на то, что на первых порах исламское образование в регионах России стремилось подражать ближневосточным образцам, со временем учебным заведениям на Кавказе и в Поволжье удалось выработать подходы с опорой на собственную традицию – как с отсылкой к дореволюционным традициям, так и с опорой на новое видение, учитывающие контекст в каждом российском регионе [1]. В частности, для Кавказа было характерно возрождение суфийских практик [7].

Создание собственной инфраструктуры исламского образования не только расширяло доступ российским мусульманам к получению знаний о религии, но и снижало неоднородность представлений об исламе внутри уммы. Стихийность реисламизации на ранних этапах привела к тому, что, с одной стороны, на поверхность вышли народные представления об исламе, а, с другой – произошел приток идей извне. Часть из них была откровенно экстремистскими и деструктивными. Стремление противостоять внешним разрушительным учениям еще больше подстегнуло локальные джамааты к развитию инфраструктуры исламского образования у себя на местах, начиная с курсов при мечетях и заканчивая исламскими университетами.

Так, в России сложилась уникальная ситуация. В отличие от большинства мусульманских стран Азии и Африки, в России нет единой централизованной системы исламского образования, однако в регионах с высокой долей мусульман сложились собственные модели исламского образования. Оставаясь во многом в «серой зоне» с точки зрения правового регулирования, исламское образование на протяжении трех десятилетий существует параллельно со светской образовательной системой России. Вместе с этим исламская образовательная инфраструктура в регионах России достаточно обширна: в России действует не менее дюжины исламских вузов, около двадцати крупных медресе и несколько десятков медресе меньшего порядка [6]. Начальные знания об исламе преподаются на курсах при мечетях. Такие курсы открыты в сотнях мечетей по всей стране.

Однако в северокавказских реалиях мы сталкиваемся с еще одним небезынтересным аспектом данной проблемы. В этом регионе исторически сильны традиционные обычаи (адаты), которые взаимодействуют с шариатом по-разному: одни нормы слились в общее правило, тогда как другие вступают в противоречие. Это, в свою очередь, оказывало непосредственное влияние и на характер исламского образования. Ведь во многом адаты играли важную воспитательную функцию, особенно на закате советской власти и возникновения новой российской государственности. Потеря старых социально-идеологических ориентиров в светских школах и вузах сделала адат важным инструментом воспитания, существующим параллельно с возрождающимся исламом.

Особенно примечателен в этой связи опыт Республики Ингушетия, где, с одной стороны, спрос на ислам в целом и исламское образование в частности начал проявляться уже на закате советской власти (там же появился и один из первых исламских университетов на Северном Кавказе). А с другой – до сих пор сохраняется прочная традиция следования адатам среди ингушского населения. Причем наблюдающаяся в настоящее время попытка переварить ближневосточное влияние в республике (что в том числе подтверждается возросшей избирательностью исламских вузов Ингушетии в отношении религиозных мыслителей с Ближнего Востока) способствует формированию специфических представлений об исламе, характеризующихся переплетением норм адата и шариата.

ПОЯВЛЕНИЕ ИСЛАМА В ИНГУШЕТИИ

До того как ислам закрепился в Ингушетии в качестве преобладающей религии, в этой части Кавказа сохранялись языческие культы и очаги христианства, принесенного миссионерами. В отдельных районах горной Ингушетии языческих верований придерживались вплоть до конца XIX – начала XX в.

В истории Ингушетии заметно влияние христианства. Вероятно, самыми первыми контактами ингушей с христианами на Кавказе были их встречи с византийцами и генуэзцами. Впоследствии центром

христианизации в этой части Кавказа становится Грузия [2]. Наибольшее влияние христианство имело в XVII и XVIII вв., когда была высока активность грузинских проповедников. Кроме того, распространение христианства поощрялось правительством Российской Империи. Например, в Моздоке в 1764 г. была учреждена Духовная осетинская школа, где обучались в т.ч. ингуши [2]. Тем не менее христианство так и не стало религией большинства ингушей, показав при этом монотеистическую альтернативу традиционным языческим верованиям.

Первое знакомство предков ингушей с исламом могло произойти еще в VII в. [14]. Более отчетливые следы ислама на территории современной Ингушетии относятся к периоду монгольских завоеваний и экспансии империи хана Тимура на Кавказ [2], однако в новую веру переходили в основном представители элиты, тогда как среди остального населения ислам приживался слабо.

Как уже говорилось, позиции язычества в традиционном обществе были сильны. В XVII–XVIII вв. под влиянием соседей, прежде всего Дагестана, вайнахские народы постепенно стали обращаться в ислам. Существенный вклад в распространение ислама в Ингушетии внес шейх Мансур, активно проповедовавший на Северном Кавказе в XVIII в.: в это время на фоне попыток христианизации деятельность мусульманских проповедников становится значительно более успешной [2]. Еще один суфийский шейх – Кунта-хаджи Кишиев – укрепил позиции тариката кадирия в этой части Кавказа. Способствовал распространению накшбандийского тариката в Ингушетии имам Шамиль, который стремился обратить ингушей в ислам и включить их в имамат. Тем не менее вплоть до второй половины XIX в. ислам сосуществовал с языческой традицией и христианством.

Активное распространение ислама в Ингушетии и его быстрое закрепление воспринималось властями Российской Империи с настороженностью. В 1911 г. из Ингушетии были высланы шейхи кадирийского тариката [11]. На начало XX в. также приходится первая попытка институционализировать исламское образование в регионе: в 1915 г. были открыты Богословско-педагогические курсы во Владикавказе [2]. Однако начало революции и стремительные преобразования после нее резко поменяли будущее ислама в Ингушетии.

Временный ЦК союза горцев ввел шариатские суды для мусульман Кавказа. Была учреждена должность Кавказского муфтия, при котором действовал совет кадиев [12]. Первоначально большевики предоставили существенную свободу вероисповедания различным народам по всей стране, что должно было способствовать их выступлению на стороне революции и против реакции. Но уже к середине 1920-х гг. свободу вероисповедания начали ограничивать. При этом в конце 1920-х гг. еще можно было отметить большое количество медресе в Ингушетии и высокий уровень религиозного образования в них. Так, в 1929 г. в Ингушетии функционировало 32 школы, где обучали основам ислама, и 32 медресе [2]. В 1930-е гг. в результате гонений исламское образование окончательно ушло в подполье.

В настоящее время подавляющее большинство ингушей являются мусульманами различного толка. В республике сложилась плюралистическая исламская среда. Более того, мусульманское пространство Ингушетии заметно фрагментировано. Основу составляют суфийские тарикаты, в первую очередь накшбандия и кадирия, состоящие из множества вирдов¹ [3]. Среди прочих выделяются такие общины кадирийского тариката, как вирд Кунта-Хаджи, известный также как хаджимюриды, и вирд Батал-Хаджи², известный как белхароевцы. К накшбандийскому тарикату себя относят последователи вирда Арсановых и вирда Новр-Хаджи. Помимо них в Ингушетии присутствуют сунниты-ашариты шафиитского мазхаба, находящиеся вне тарикатов и вирдов, а также приверженцы салафитского направления в исламе.

СТАНОВЛЕНИЕ ИСЛАМСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ИНГУШЕТИИ

Институционализированное исламское образование в Ингушетии появляется вместе с активным распространением ислама на территории региона в XIX в. Можно отметить, что вокруг наиболее известных шейхов – Мансура, Кунта-хаджи и Дени Арсанова – сложились группы последователей, которые впоследствии сами стали учителями ислама.

¹ Религиозные братства, созданные вокруг учения одного из шейхов, исповедующего какой-либо из тарикатов (накшбандия, кадирия и др.) со своими особенностями в обрядовой части (*прим. авт.*).

² Данная организация признана террористической на территории РФ.

В XIX в. религиозное образование можно было получить при мечетях: обычно обучение велось не в специальном здании, а в помещении мечети или доме муллы. Образование было трехступенчатым – от начального до углубленного [4]. Особое внимание уделялось изучению арабского языка. Эта черта свойственна ныне действующим исламским школам и вузам на Северном Кавказе.

В начале XX в. царская администрация усилила контроль над исламом на Северном Кавказе. Часть оппозиционных проповедников подверглась репрессиям. Вместе с этим в 1915 г. были открыты богословско-педагогические курсы, о которых говорилось ранее. Можно сказать, что курсы были первой попыткой государства поставить исламское образование под свой контроль. Однако в связи с революцией и гражданской войной курсы просуществовали недолго. В рамках Первого съезда горских племен Кавказа предлагалось открыть Юридическую академию шариатских наук [13]. Эти планы не были осуществлены. В 1920–1930-е гг. в Ингушетии продолжали действовать несколько медресе, но к концу 1930-х гг. в результате антирелигиозной политики исламское образование оказалось в подполье.

После депортации ингушей в Центральную Азию наступает долгий период спада ислама на территории Ингушетии. Восстановление исламского образования в регионе начинается вместе с возрождением ислама и ослаблением антирелигиозной политики.

В конце 1970-х гг. вновь открываются мечети в некоторых селениях, в конце 1980-х гг. они начинают открываться массово, а религия и религиозное образование начинают возрождаться. 15 октября 1990 г. в Ингушетии открывается первый Исламский институт имени Имама аш-Шафии, который возник из курсов местных богословов. В 1992 г. он был зарегистрирован в Министерстве юстиции РФ, а в 2000-х гг. реорганизован и переведен в Москву. В апреле 1994 г. в Ингушетии был открыт Исламский институт, носящий имя саудовского короля Фахда, который сейчас находится в Сунженском районе. В 2007 г. в Малгобеке был открыт Ингушский исламский университет [4]. Таким образом, на данный момент в Ингушетии существует 2 исламских высших учебных заведения.

Если рассматривать становление исламского образования в Ингушетии в экономических терминах, то можно выстроить следующую картину.

Во время перестройки и в последующие десятилетия в Ингушетии, как и по всему Северному Кавказу, происходили процессы исламизации и реисламизации. Соответственно, спрос на служителей мусульманского культа (имамов) и ученых (алимов) устойчиво рос на протяжении долгого времени, что создавало стимулы для заполнения этой ниши. В условиях общего социально-экономического спада (сложная ситуация в соседней Чечне неизбежно сказывалась на положении дел в Ингушетии) получение исламского образования не сулило больших материальных выгод, тем не менее оно повышало статус человека, который впоследствии можно было конвертировать в различного рода блага и гарантировать базовый уровень жизни.

В свою очередь, для молодежи, а также для людей среднего возраста, чьи прежние жизненные и профессиональные траектории оборвались, поскольку были увязаны с советской системой карьерного роста, получение исламского образования открывало новые возможности. Со стороны этих групп сформировался запрос на получение знаний об исламе, выходящих за рамки общественных представлений.

Хотя исламские религиозные учреждения существовали даже в советский период (институт и медресе в Узбекистане), престижем всегда пользовались учебные заведения в арабских странах – Египте, Сирии, Иордании, Саудовской Аравии и др., о чем неоднократно заявляли наши информанты. Египет и Сирия стали достаточно массовыми направлениями ввиду своей доступности по стоимости проживания, тогда как Саудовская Аравия была более эксклюзивной.

В целом обучение за границей в 1990-е и в начале 2000-х гг. могли позволить себе лишь немногие из всех желающих иметь исламское образование. Кроме того, молодежь, учившаяся за рубежом, по возвращении нередко конфликтовала со старшими поколениями [8], для которых *вирдовые* практики были важной составляющей религиозного культа, а с точки зрения фундаменталистских учений они являлись запретными нововведениями (*бид'а*) [9]. Подчеркнем, что наибольшие расхождения у рядовых ингушей возникали с теми, кто учился в Саудовской Аравии, т.е. выходцами из обеспеченных семей, либо самыми талантливыми представителями своего поколения, которые получали стипендии на обучение за рубежом.

Ввиду перечисленных причин в республике сложилось понимание необходимости удовлетворения спроса на исламское образование внутри региона путем открытия местных исламских образовательных

учреждений. В таком случае подготовка имамов и алимов замыкалась бы внутри региона, что открывало новые возможности для более широкого круга желающих. При этом молодежь оставалась в Ингушетии и не теряла контактов с семьей и местными порядками. В результате, несмотря на небольшой размер республики, в начале 1990-х гг. в Ингушетии открылось множество учебных заведений, именовавших себя исламскими институтами или медресе.

Подобное решение отчасти устраивало федеральные власти и силовые структуры, поскольку на длинном временном отрезке снижало издержки на мониторинг стремительной исламизации, перекладывая их на образовательные учреждения и местные власти.

На начальном этапе, характеризующемся стихийным получением знаний о религии и слабо контролируемой образовательной средой, ни власти, ни силовые структуры не могли подстроиться под быстро меняющиеся условия, что оставляло пространство для деятельности радикалов прямо в самой Ингушетии. В республике после проверок из исламского университета были уволены преподаватели-иностранцы, распространявшие деструктивные идеи. В дальнейшем преподавательский и управленческий состав формировался за счет местных алимов, учившихся за рубежом, а позднее к ним присоединились выпускники исламских образовательных учреждений Ингушетии.

Таким образом, буквально за несколько лет деятельности исламских вузов в республике был создан замкнутый цикл поддержания исламской образовательной системы. Тем не менее он не был герметичным. Желющие получить религиозное образование или повысить уже имеющийся уровень знаний все же уезжали в арабские страны. С появлением Интернета для обмена информацией с большим мусульманским миром не требовалось даже покидать пределы Ингушетии. Это вновь породило напряженность между сторонниками различных подходов к исповеданию ислама, усиливая понимание необходимости поддержания собственной образовательной инфраструктуры.

ЛОКАЛЬНЫЙ ОПЫТ

Одной из ключевых проблем ингушского исламского образования являются противоречия между адатом и шариатом и, если смотреть шире, противостояние между локальными традициями и исламом.

Вероятно, острее всего данная проблема стояла в конце XX в., когда ислам на Северном Кавказе стал активно возрождаться. Спрос на ислам в первые годы после распада СССР был крайне высок, в то время как местных богословов и религиозных авторитетов не хватало для его обеспечения. В связи с этим возникал запрос на иностранных учителей, преимущественно с Ближнего Востока.

Руководство Исламского института в Сунже рассказывает об этом периоде как о достаточно трудном времени, когда жителям республики навязывались различные нетрадиционные для региона идеи. «Традиционным» исламом в Ингушетии называют преимущественно суфийский ислам: как было показано выше, именно суфийские шейхи тарикатов накшбандия и кадирия были главными распространителями исламской религии среди ингушей. Приезжие учителя зачастую не знали ни об истории ислама в Ингушетии, ни о местных традициях. Некоторые из них, в особенности отдельные выходцы из стран Персидского залива и Турции были проповедниками радикальных форм ислама, что оказывало дестабилизирующий эффект на регион в целом.

Как подчеркивают руководители и преподаватели университетов в Малгобеке и в Сунже, среди населения существует проблема чрезмерной веры в религиозную компетентность приезжих арабов, что также негативно влияет на развитие ислама и исламского образования. В частности, фундаменталистский ислам некоторых из приезжих учителей вступает в прямой конфликт с суфийскими практиками и адатом, что может вести к противостоянию между сторонниками религии в ее наиболее «очищенном» варианте и теми, кто следует традициям.

Сегодня в исламских вузах Ингушетии нет учителей-иностранцев и в качестве преподавателей выступают уроженцы Ингушетии. Ближневосточное влияние на внутренние дела республики находится под пристальным контролем. Исламские вузы берут на себя достаточно сложную роль религиозного просвещения и воспитания, которая выходит далеко за пределы роли чисто образовательной.

Вопрос о соотношении норм исламского права, адата, а также российских светских законов является достаточно сложной темой. В случае с шариатом и адатом у учеников и преподавателей исламских университетов в основном можно отметить позицию, что исламское право важнее ингушских традиций. Например, студент из Сунжи формулирует это так: *«Я говорил, прежде всего мы мусульмане. Во-*

обще я ингуш. Но сначала я мусульманин, а потом уже ингуш. Допустим, у меня есть своя традиция. Эта традиция идёт вразрез с шариатом. Эта традиция немедленно должна быть исключена».

Вместе с тем, когда студенты исламских вузов Ингушетии говорят про превосходство исламского права над местными адатами, нужно иметь в виду, что многие положения местных обычаев де факто уже инкорпорированы в законы шариата местными преподавателями и богословами. Таким образом, превосходство исламских норм над локальными фактически обеспечивается постепенным инкорпорированием последних в первые.

БЛИЖНЕВОСТОЧНОЕ ВЛИЯНИЕ

Религиозный энтузиазм на Северном Кавказе, наблюдавшийся в позднесоветское и постсоветское время, повлек за собой открытие большого числа вузов, которые финансировались ближневосточными благотворительными организациями. В настоящий момент университеты региона и, в частности, Ингушетии находятся либо на самообеспечении, либо получают помощь от российских организаций. Однако ближневосточное влияние полностью не исчезло: университеты различных арабских стран по-прежнему привлекательны для уроженцев республики, стремящихся получить углубленное религиозное образование.

Ориентация на заграничные университеты является достаточно проблемной темой: она показывает, что в настоящий момент российское исламское образование не способно конкурировать с ближневосточным по престижности.

Если Болгарскую исламскую академию в Татарстане некоторые респонденты упоминают (но не как ориентир, а просто как пример исламского университета), то другие исламские учебные заведения, находящиеся в России, не упоминаются в качестве образцовых или партнерских, несмотря на то, что их довольно много. Ни один респондент не назвал в качестве ориентира ни университет, ни богословов из других кавказских республик. При этом заграничные университеты приводятся в пример. Так, преподаватель Исламского института в Сунже удаленно поступил в университет в ОАЭ и рассказывает следующее об университетах-ориентирах:

«Конечно, более почтительные, более древние вузы есть. Просто я туда поступил [в Эмираты] из-за того, что там финансово тебе помогают, если ты туда поедешь. А так я делаю больше акцент на древние вузы. Например, древний вуз, который находится в Египте, это Аль-Азхар. И, наверное, это один из самых древних университетов в мире. [...] И так говорят, в частности, арабы говорят, что ибля намаза – это Кааба, ибля намаза – это сторона, которой мы должны становиться, когда мы делаем намаз, это в сторону Каабы. Да, в сторону Мекки. А ибля знаний, то есть сторона знаний – это Аль-Азхар. В сторону Египта. Да, то есть туда надо стремиться. Вот есть еще много-много древних университетов, в которых можно получить много пользы. Например, есть университет, самый древний университет, в Марокко находится [речь идет об Аль-Карауин].»

Аль-Азхар действительно неоспоримый лидер в исламском религиозном образовании. Ссылка на него, а также на другие древние университеты является показателем высокого уровня образованности. Но при этом есть проблема, что университеты стран Персидского залива представляются более привлекательными, чем университеты в России. В свою очередь, привлекательность достигается не за счет многовекового престижа, как в случае с Аль-Азхаром или Аль-Карауином, а за счет удобных условий и финансовой поддержки.

Например, студент из Малгобека рассказывает об идее поступить в Катар на факультет арабского языка, где есть *«разговорный арабский язык, со всеми условиями, со стипендией»*.

Таким образом, можно сказать, что университеты в странах Персидского залива оказываются центрами притяжения для желающих углубляться в изучение ислама, в то время как вузы в других российских регионах такой привлекательности не имеют. Более того, респонденты много говорили о традиционном для Ингушетии шафиитском мазхабе и о знаковых для Ингушетии суфийских тарикатах. Как говорит респондент из Сунжи: *«У нас в религии есть мазхабы, которых люди придерживаются в определенных регионах, например на Северном Кавказе, и, в частности, в Ингушетии, в Чечне и Дагестане придерживаются мазхаба имама аш-Шафи»*. Стоит отметить, что в странах Персидского залива шафиитский мазхаб не является главным, а салафитские взгляды (которые имеют неоднозначные оценки суфизма) гораздо сильнее распространены. Это ставит вопрос о том, готовы ли люди, обучавшиеся в

университетах стран Персидского залива, развивать традиционную для Ингушетии теологическую школу. По словам преподавателя из Сунжи, не все мусульмане в равной степени стремятся к развитию знаний: «*Есть проблемы в исламском мире. Например, в частности, те, которые не поддерживаются мазхаба, они берут прямые тексты и прямым путем это преподносят. Не трактуя ничего*».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Можно констатировать, что исламское образование в Ингушетии добилось существенных успехов за 30 лет своего становления. Во-первых, стоит сказать о флагманах высшего исламского образования – Исламском институте в Сунже и Исламском университете им. Хаматхана-хаджи Барзиева в Малгобеке. Наличие сразу 2 таких вузов в небольшой республике само по себе показательно и демонстрирует спрос на религию. За десятилетия работы они смогли стать важными центрами религиозного образования в Ингушетии: значительная часть служителей культа в республике проходила обучение в одном из этих двух вузов.

Становление исламского образования в Ингушетии было сопряжено с влиянием двух разнонаправленных тенденций. С одной стороны, отсутствие квалифицированных кадров вынуждало будущих имамов и преподавателей исламских учебных заведений уезжать на Ближний Восток получать там классическое образование в области шариатских наук.

С другой стороны, в республике остаются сильны местные традиции и обычаи. Более того, за годы советской власти, борющейся с религией, следование адатам лишь усиливалось по сравнению с шариатом. Таким образом, те, кто возвращался в республику из стран Ближнего Востока, сталкивались с проблемой сопряжения положений исламского права с местными обычаями.

В результате ингушская образовательная среда постепенно стала представлять собой синтез исламских норм с местными адатами. Этот процесс стал особенно заметен в последние годы, когда существенно сократилось взаимодействие ингушских исламских вузов с зарубежными центрами исламской мысли.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Исаев Л.М., Шишкина А.Р., Иванов Е.А. Исламское высшее образование в России: опыт и влияние Ближнего Востока. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 1. С. 5–14. DOI: 10.31857/S032150750018302-4
Issaev L.M., Shishkina A.R., Ivanov Ye.A. 2022. Islamic education in Russia: Local experience and the influence of the Middle East. *Asia and Africa today*. № 1. Pp. 5–14. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750018302-4
- Албогачиева М.С.-Г. Ислам в Ингушетии: этнография и историко-культурные аспекты. СПб.: МАЭ РАН, 2017.
Albogachieva M.S.-G. 2017. Islam in Ingushetia: ethnography and cultural-historical aspects. St. Petersburg. (In Russ.)
- Албогачиева М.С.-Г. Основные Вирдовые братства у ингушей. *Россия и мусульманский мир*. 2016. Т. 293. № 11. С. 41–59.
Albogachieva M.S.-G. 2016. Main Ingush Wird brotherhoods. *Russia and the Moslem world*. Vol. 293. № 11. Pp. 41–59. (In Russ.)
- Албогачиева М.С.-Г. Исламское образование в ингушском обществе: история и современность. *Minbar. Islamic Studies*. 2019. Т. 12. № 1. С. 186–207. DOI: 10.31162/2618-9569-2019-12-1-186-207
Albogachieva M.S.-G. 2019. Islamic education in the Ingush society. Past and present. *Minbar. Islamic Studies*. Vol. 12. № 1. Pp. 186–207. (In Russ.). DOI: 10.31162/2618-9569-2019-12-1-186-207
- Албогачиева М.С.-Г. Современная система мусульманского образования в Ингушетии. *Материалы II международного симпозиума на тему “Исламская цивилизация на Кавказе”*. Баку: Нурлар, 2021. С. 50–57.
Albogachieva M.S.-G. 2021. Modern system of Muslim education in Ingushetia. *Materials of the 2nd International Symposium “Islamic Civilization in Caucasus.”* Baku. Pp. 50–57. (In Russ.)
- Муртазин М.Ф. О проблемах развития исламского образования на постсоветском пространстве. *Ислам и исламоведение в современной России*. Махачкала: ООО «Алеф», 2019. С. 436–443.
Murtazin M.F. 2019. On problems of the development of Islamic education in Post-Soviet space. *Islam and Islamic studies in modern Russia*. Makhachkala. Pp. 436–443. (In Russ.)
- Рошин М.Ю. Современный суфизм в Дагестане. *Россия и мусульманский мир*. 2003. № 12. С. 42–48.
Roshchin M.Yu. 2003. Modern Sufi in Dagestan. *Russia and the Moslem world*. № 12. Pp. 42–48. (In Russ.)

8. Стародубровская И.В. Межпоколенческие отношения и социальные трансформации на примере Северного Кавказа. *Социология власти*. 2019. Т. 31. № 1. С. 92–113. DOI: 10.22394/2074-0492-2019-1-92-113.
Starodubrovskaya I.V. 2019. Intergenerational Relations and Social Transformations: The Case of North Caucasus. *Sociology of Power*. Vol. 31. № 1. Pp. 92–113. (In Russ.). DOI: 10.22394/2074-0492-2019-1-92-113
9. Ярлыкапов А.А. «Народный ислам» и мусульманская молодежь Центрального и Северо-Западного Кавказа. *Россия и мусульманский мир*. 2006. № 7. С. 52–74.
Yarlykapov A.A. 2006. “Popular Islam” and the Muslim youth of Central and North-Western Caucasus. *Russia and the Moslem world*. № 7. Pp. 52–74. (In Russ.)
10. Ярлыкапов А.А., Адиев А.З. Ислам на Северном Кавказе: реисламизация, мозаизация, проблема «традиционности». *Исламоведение*. 2021. Т. 12. № 4. С. 59–74. DOI: 10.21779/2077-8155-2021-12-4-59-74
Yarlykapov A.A., Adiev A.Z. 2021. Islam in the North Caucasus: re-Islamization, mosaicization, and the problem of “traditionality”. *Islamovedenie*. Vol. 12. № 4. Pp. 59–74. (In Russ.). DOI: 10.21779/2077-8155-2021-12-4-59-74
11. Сумбулатов А. Вечно гонимые. *Шейх-овлия. Батал-хаджи Белхороев*. Нальчик: Эльфа, 2010. С. 239–242.
Sumbulatov A. 2010. Always in exile. *Sheikh-ovlia. Batal Hajji Belkhoroev*. Nalchik. Pp. 239–242. (In Russ.)
12. Музаев Т. Союз горцев. Русская революция и народы Северного Кавказа, 1917 – март 1918 г. М.: Патриа, 2007.
Muzaev T. 2007. Republic of the Mountaineers. Russian revolution and the people of the North Caucasus, 1917 – March 1918. Moscow. (In Russ.)
13. Нефляшева Н. Ислам в Адыгее: от традиции к модернизации. *Ислам в Европе и России*. М.: Изд. дом Марджани, 2009. С. 146–167.
Neflyasheva N. 2009. Islam in Adygea: from tradition to modernization. *Islam in Europe and Russia*. Moscow. Pp. 146–167. (In Russ.)
14. Аккиева С.И. Ислам в Кабардино-Балкарской Республике. М.: Логос, 2009.
Akkieva S.I. 2009. Islam in Kabardino-Balkaria. Moscow. (In Russ.)

ИНФОМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Исаев Леонид Маркович, доктор политических наук, доцент, заместитель директора Центра изучения стабильности и рисков НИУ ВШЭ; старший научный сотрудник, Центр цивилизационных и региональных исследований, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Leonid M. Issaev, Dr.Sc. (Political Science), Associate Professor, Vice Director, Centre for Stability and Risk Analysis, HSE University; Senior Researcher, Centre for Civilizational and Regional Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Файн Егор Денисович, младший научный сотрудник Центра изучения стабильности и рисков НИУ ВШЭ, Москва, Россия.

Egor D. Fain, Junior Research Fellow, Centre for Stability and Risk Analysis, HSE University, Moscow, Russia.

Иванов Евгений Александрович, младший научный сотрудник Центра изучения стабильности и рисков НИУ ВШЭ, Москва, Россия.

Yevgeny A. Ivanov, Junior Research Fellow, Centre for Stability and Risk Analysis, HSE University, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 27.11.2024

Доработана после рецензирования
(Revised) 05.03.2025

Принята к публикации
(Accepted) 17.03.2025